
ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

ВОЗМОЖНАЯ ИСТОРИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ВЫЗОВЫ XXI ВЕКА

Киш Э.

доктор философии, член комиссии по исследованию будущего Венгерской АН, профессор Западно-венгерского университета (Шопрон – Сомбатхей) и университета Этвоша Лорана (Будапешт).

E-mail: andkiss@hu.inter.net

Автор обращается к историческим аспектам глобализации, которые он соотносит не столько с прошлым развитием глобальных процессов, сколько с современностью, ибо рассматривает глобализацию как феномен современности и в связи с этим первоочередное внимание уделяет «истории настоящего». Опираясь на богатый фактический материал из различных сфер общественной жизни (экономики, культуры, политики) и критически оценивая широко известные идеи С. Хантингтона, он приходит к выводу, что исторический взгляд на глобализацию дает нам основание говорить о наступлении эры новой биполярности, которая сейчас только начинается.

Ключевые слова: история глобализации, современность, постимперский мир, глобальная мировая экономика, индивидуализация, глобальная массовая культура.

The author considers historical aspects of globalization, which he connects with modernity, rather than with past development of global processes, because he treats globalization as a modern phenomenon and thereupon draws prior attention to 'history of the present'. Relying on abundant facts from different social spheres (economy, culture, politics) and exercising judgment in interpreting widely knowing ideas of S. Huntington, he concludes that historical view on globalization gives us reason to speak about the coming of new bipolarity era which is only now beginning.

Keywords: globalization history, modernity, post-imperial world, global world economy, individualization, global mass culture.

Глобализация – это процесс, которому можно дать точное и достаточно конкретное определение [Kiss 2002; 1997; Global... 2003]. Возможность точного определения, несомненно, существует, даже если при формулировке данного определения в силу универсального и холистического характера глобализации неизбежны серьезные научные, логические и аналитические проблемы.

В начале второго десятилетия третьего тысячелетия все сильнее ощущается необходимость исследовать историю глобализации. Необходимо подчеркнуть,

что нас не интересует ни *прошлая история* глобализации, ни многочисленные исторические *аналоги* (от Римской империи до Индии), которые в последние десятилетия часто становились объектами исследований. Что нас интересует, так это *история настоящего*, поскольку мы рассматриваем глобализацию как поистине феномен современности.

Первое, что приходит в голову при ответе на вопрос, можно ли говорить об истории глобализации в строгом смысле этого слова – *да, можно*. С методологической точки зрения уже при ответе на этот вопрос может возникнуть *дилемма*. Так как отличительной особенностью и основным признаком глобализации является ее функциональный характер, вопрос о ее истории необходимо рассматривать в абсолютно новом контексте.

Функциональный характер бытия по сути также историчен, впрочем, *эта историчность сильно отличается от исторического характера существования нефункциональных явлений*. И только тот факт, что глобализация в целом – это далее не определяемая *совокупность функциональных и нефункциональных явлений*, помогает нам справиться с этой дилеммой. А значит, у этого одновременно *функционального и нефункционального явления* в целом, по всей видимости, все-таки есть история в методологическом смысле.

Размышление над этим вопросом предполагает выбор аспектов (тематических областей), в рамках которых мы намерены исследовать эту масштабную историю глобализации. Имеющийся *когнитивный интерес* (Erkenntnisinteresse) становится здесь тематическим и четко обуславливает приоритет возможных вопросов исследования. Алгоритм анализа диктуется практической и прагматической актуальностью конкретных проблем.

В данном случае, решив вопрос, есть ли у глобализации, рассматриваемой таким образом, история (проще говоря, *история после 1989 года*), мы также должны решить, *в каких конкретных областях* (аспектах, дисциплинах) будем исследовать эту предполагаемую историю.

В этом смысле в качестве центральных аспектов исследования истории глобализации мы предлагаем следующее: во-первых, *имперский* аспект глобализации (как фактор *международной* политики и так называемых сфер влияния *акторов*; как проблематика, связанная с *принятием ультимативных решений* в условиях глобализации, а также с наличием соответствующих *полюсов* в глобальной системе распределения власти); во-вторых, *экономический* вопрос (специфическая структура глобальной экономики и мировой финансовой экономики); в-третьих, история экономических *циклов* (в период глобализации); в-четвертых, история *заимствования* интеллектуальных, духовных и идеологических *ценностей* в процессе глобализации. Говоря о глобальной Европе, мы также должны изучать ее историю в рамках именно этих четырех *обширных предметных областей*¹.

Возникновение глобализации (строго говоря, *мира в 1989 г.*) повлекло за собой также *исчезновение разделенного на две части имперского мира*. Неудивительно, что в ходе спонтанных процессов в многообещающие 1990-е гг. четкое

¹ Сложный европейский регион тысячами нитей связан с проблематикой глобализации. Для нашего исследования европейский пример помимо всего прочего открывает тот факт, что многими гражданами стран Евросоюза глобализация в ЕС обычно воспринимается как следствие, сущность, вызов и т. п. членства в этой организации; на деле проблемы ЕС фундаментально отличаются от проблем неинституциональной глобализации.

толкование имперской проблематики на рубеже тысячелетия полностью утонуло в гармонии *новых свобод и глобального саморегулирования*. К этому общему состоянию, которое можно охарактеризовать как стихийное, также добавился заметный процесс *относительной девальвации политических подсистем* в ходе стремительно набирающей обороты глобализации².

В ходе этих событий в новом, *постимперском* мире сформировались серьезные исторические ожидания. Примечательно, что в первом после 1989 г. масштабном анализе рассматриваемого вопроса – теории Хантингтона – имперская проблематика была сформулирована исключительно с новой (и одновременно «старомодной») точки зрения «цивилизаций», трудно определяемых в рамках традиционной политической сферы.

Уже на основании одного этого факта мы можем говорить о силе и живучести не только *анти-*, но и *постимперских* настроений в то время, поскольку он показывает, что даже «имперская» тематика могла подниматься только в рамках цивилизаторских размышлений. Однако говорить о *столкновении* конкретных империй и о *столкновении* цивилизаций не одно и то же! Вероятно, в то время для Хантингтона было просто невозможно следовать традиционной теории политического реализма. Анализ «цивилизации» или «столкновения цивилизаций» был сделан, безусловно, в духе настоящего имперского исследования. Однако он никоим образом не является продолжением традиционной теории международных отношений. Хантингтон *решиительно отказался от политических шаблонов и заново взглянул на имперский порядок через полуполитическую призму новых цивилизационных отношений* [Gerlich, Glass, Kiss 1997: 117–125; Kiss 1996–1997].

С точки зрения методологии проблема *истории глобальной*, то есть *монетаристской, денежной экономики* состоит, помимо прочего, в том, что глобальная мировая экономика – это чисто холистический феномен, для которого трудно придумать специальный адекватный *метаязык*³. Это, к слову сказать, *важный общий признак всех холистических объектов*, не только глобализации. Вот почему данная методологическая проблема свойственна глобализации не как новому явлению, а как холистическому феномену.

Еще одна методологическая проблема является результатом того, что монетаризм *реальной* глобальной мировой экономики есть реальное проявление абсолютно теоретической модели. Кроме того, *между моделью и реальностью проявляется осязаемое сходство*. Это сходство порождает множество новых проблем, в частности следующую: *разница между моделью и реальностью* чувствуется все меньше, а языки теории и практики размываются. В случае кризиса становится сложнее классифицировать его как более или менее простую *реализацию модели* или до некоторой степени как *традиционную циклическую дестабилизацию* реальной экономики.

² На эту тему среди прочего см.: [Kiss 2002; 1996].

³ Научно-теоретическое условие Рудольфа Карнапа здесь очень полезно: мы можем описывать объекты на определенном предметном уровне, только если язык должным образом соответствует этому предметному уровню; однако этот язык не может находиться на том же предметном уровне, что и язык, имеющий дело с этими объектами, – «метаязык». Упомянутая проблема возникает с любым объектом и даже любым предметным уровнем, холистическим и цельным по своей натуре, что является методологической особенностью возможного метаязыка для этого объекта, всегда связанного с дополнительными трудностями его исследования.

Аналогичные трудности возникают в отношении *акторов*. В большинстве случаев решить, является ли событие результатом реальных действий акторов или это легко предсказуемое последствие основательно проработанной модели, очень сложно. Наиболее заметное и в то же время определяющее последствие глобальной мировой экономики – ревальвация, и более того – фундаментальное изменение *функции денег*, что ведет к широкому распространению *спекуляции* или экономических *пузырей*.

Другое определяющее последствие глобальной мировой экономики, однако, только *косвенно является экономическим*. Это *государственная задолженность*, в результате которой в любом случае глобализация в некоторой степени (или даже абсолютно) обесценивает государство. Все же у *государства, имеющего долги, своя логика действий, которая определяет экономическую жизнь и в целом его социальное существование*; эти две стороны в свою очередь рефлексивно и ретроспективно определяют глобальную мировую экономику.

Смена мировых экономических циклов накладывается на отдельные периоды глобализации, поэтому чрезвычайно сложно выделить обширную группу причин глобализации в условиях постоянно развивающейся экономики. В связи с этим при объяснении кризисных явлений очень трудно отделить *структурно-динамические* свойства глобализации от *циклических* и *конъюнктурных* изменений (тем более когда обе группы причин являются и условием, и причиной друг для друга). Именно поэтому *попытки выделить историю глобализации из истории экономической системы кажутся весьма сомнительными*.

Осознание этих обстоятельств и вообще фундаментальных внутренних основ глобализации завершилось ко *второй половине 1990-х гг.* Кроме того, в этом новом контексте настоящее раскрылось как *новая совокупность самых разных смыслов, ценностей и инноваций*. Вне сомнения, появилась усредненная глобальная мировая культура.

Массовая культура уже в 1970-е гг. предвосхитила этот процесс; *непосредственно глобальная массовая культура*, без сомнения, также привнесла качественно новые черты. Эта теперь уже глобальная (мировая) культура поднимает вопрос о важности «другого», то есть «виртуального», социума, делает возможным постоянное виртуальное присутствие человека в большей части мира, сближает регионы и в то же время лишает (*в противовес первой тенденции*) регионы и людей своего места и своих корней. Эта глобальная (мировая) массовая культура способствует тому, что общество, теряя свои корни, становится глобальным и международным. Она реализует классические (а с другой стороны, парадоксальные) постмодернистские базовые ценности, причем не просто среди масс, но на глобальном уровне (антитоталитаризм, потребительское отношение в условиях неадекватного потребления, индивидуализм в отсутствие внутренней базисной ценностной ориентации) [Kiss 1999a; 1999b]. Это показывает, *насколько проблематичной может быть попытка описать историю глобализации в условиях массовой культуры, превращающейся в глобальную*.

Что касается определения существенных признаков глобализации, здесь тоже есть вопрос: какие структурные и функциональные причины способствовали росту уровня и важности *имперских* споров в рамках развивающейся глобализации? И так, *нас также интересует как на разных этапах глобализации развивались те или иные аспекты имперской проблематики*.

Очевидно, что профессиональному мыслителю необходимо значительное время, чтобы осознать, а затем сформулировать следующее очевидное противоречие. *С одной стороны*, международная политика продолжала развиваться без явных проблем и изменений, сохраняя в эпоху глобализации имперский характер, *с другой стороны* – политическая сфера, будучи подсистемой, не поддавалась глобализации по одной простой причине: *она не определена и соответственно не реализуется с точки зрения функций, и не может быть определена и реализована функционально.*

Это означает, что в эру всеми признанной глобализации политическая система не будет интерпретироваться с позиций каких-то фундаментально новых норм. *Своеобразный разрыв* между действительностью нового глобального мира и объективным пониманием того, что политическая система *не* поддается глобализации по причине своей *абстрактности*, может стать труднопреодолимым препятствием в процессе анализа.

Конечно, все это относится к *абстрактным, теоретическим рассуждениям*, однако это легко подтвердить и эмпирически. Вспомним, что *в эру глобализации не возникло никаких качественно новых политических институтов.* Это значит, что политика как система и подсистема *на протяжении длительного срока продолжает сохранять без каких-либо проблем свое системно-теоретическое отличие от функционального мира глобализации.*

Важность имперской проблематики в эру глобализации, по всей вероятности, возросла благодаря исключительному, экстраординарному размаху деятельности *акторов.* Легко понять, что реализация возможностей *акторов, расширение границ их деятельности в большинстве случаев привело к очевидному росту имперских проблем.* В «доглобальное» время было невозможно себе представить, чтобы европейский премьер-министр мог непосредственно влиять на глобальные процессы, как это было недавно в случае с Тони Блэром.

На фоне роста важности имперской проблематики *способность убеждать* также является характерной чертой глобализации. Важность *прямых и непрямых* решений возрастает. Критическая сущность ультимативных (безальтернативных) решений приводит к проблеме, которую до сегодняшнего дня трудно было себе представить. *Ведь глобализация и либеральная демократия выступают в качестве и причины, и условия друг для друга.* Стремительный рост важности ультимативных действий уже сигнализирует о системных недостатках глобализации – это явное противоречие между *фундаментальными принципами* (либеральной демократией как основным условием) и *действительностью* (решениями *акторов*). И здесь системно-теоретический разрыв между глобализацией и политической системой может стать явью.

Функциональные процессы глобализации во всех смыслах сближают отдельные государства и регионы. Существенное ослабление интенсивности *имперских связей*, очевидно, тоже можно отнести к новым характеристикам глобализации. Благодаря *имперским процессам* происходит постоянная реконфигурация стран и регионов в соответствии с их влиянием. Кажется, что постоянно изменяющийся *клуб империй закрыт* для выхода, и в то же время он всегда *открыт* для входа новых членов.

Возросшая важность имперской риторики воспринимается как неотъемлемая часть истории глобализации. Однако, может, все наоборот? *Возможно, мы пересматриваем прошлую историю глобализации в рамках имперской риторики?*

Мы считаем, что история глобализации, без сомнения, может формироваться в рамках имперской риторики.

В *первый* период глобализации имперский вопрос едва ли был *очевидным*. Благодаря предшествующему периоду, когда мир был разделен на две части, рассуждения на имперскую тематику стали более основательными. Учитывая это, нет ничего удивительного в том, что в *теории конца истории Френсиса Фукуямы* – пожалуй, даже вопреки воле самого автора – можно обнаружить намеки на *универсальную постимперскую демократию* (или, как уже цитировал в этой связи *Александр Кожевников*, на универсальное демократическое *мировое государство*). *Только в этом контексте* появление работ Самюэля Ф. Хантингтона можно рассматривать как нечто, соответствующее действительности. Не приходится сомневаться в том, что его идеи были призваны остудить пыл оптимистов с их надеждами на новый постимпериалистический мировой порядок. Он хотел, чтобы общество вернулось к «реальности». Это тем более важно, учитывая, что даже сам Хантингтон, ставя перед собой такие цели, не хочет (или не осмеливается?) назвать это новое имперское начало настоящим именем. Он формулирует свою новую идею не в политических, а в полуполитических «цивилизационных» терминах. *Рассматриваемая с позиции «цивилизации» международная политика может вернуться к реализму Киссинджера, открыто реабилитирующему Меттерниха.*

Итак, *первый* период глобализации начинается в условиях имперских споров как время *благоразумных* споров и *благоразумной* деятельности. Внимание уделяется единственному реальному *врагу* этой эпохи уверенности – *фундаментализму*.

Второй период глобализации, развивающийся в условиях имперской риторики, снова задает тон международной политике. Однако на основании некоторых аргументов можно говорить, что в этот период никакой существенной разницы между специфическим функционализмом глобализации и нефункционально устроенной политической системой *вообще* заметно не было! Ключевой идеей второго периода (очевидно, на фоне имперской риторики) было то, что в фазе посткоммунистической демократии и неолиберальной политики международный конфликт можно было оправдать, *только прибегнув к нравственным аргументам.*

В этом контексте стоит также упомянуть о мощном влиянии перемен 1989 г. Реализация имперских замыслов и целей могла быть оправдана в глазах людей, только если планировалась в качестве *ответа на действия, квалифицируемые как нарушение прав человека*. Проблему же международных прав, которая всегда возникает на почве подобных фактов, постоянно игнорировали. Это означает, что инициаторы интервенции, начав свои действия, должны приложить немалые усилия, чтобы представить обществу реальные стратегические цели *как всеобщий благородный ответ на нарушение прав человека* [Kiss 2000].

Подходы, характерные для 1989 г., сохранялись в международной политике и прослеживались в интервенциях 1990-х гг. Типичным случаем для второго периода была война Кувейта против Саддама Хусейна, которая прекрасно вписывается в эту систему. Подобные благонравные рассуждения вдохновляли на войны, а также приводили к серьезным международным конфликтам. Одновременно мы смогли увидеть, насколько удачно работают новые критерии понятия «враг» – *новые критерии породили новый концепт врага.*

Третий период глобализации, развивающейся на фоне имперской риторики, начался 11 сентября 2011 г. В это время стали намечаться *контуры биполярности*. В этом все еще однополярном мире такой реальный и в то же время такой неопределенный феномен, как *терроризм*, взял на себя роль системного врага, придирая на смену нарушителям прав человека.

Полное восстановление реальных исторических событий не является задачей нашей статьи. Скажем только, что на этот период приходится война в Ираке 2004 г., которую сделали легитимной, основываясь на широком, пространном термине «терроризм». Для нас смерть Усамы бен Ладена в 2011 г. стала *естественным завершением* этого периода глобализации (в рамках имперской риторики).

Смерть Усамы, кроме того, стала *символом*. Она олицетворяет смену крупных исторических периодов новой глобализации. В этом третьем периоде (закончившемся со смертью террористического лидера и символа терроризма) было два полюса: «мы» и «террористы», и была построена целая система новых связей и союзов; в дальнейшем биполярность была откровенно использована в различных ситуациях. Так появилось два биполярных мира: *новый воображаемый* и *новый реальный*.

В условиях господствующей биполярности следует рассмотреть деятельность союзов, которые образовали открытые круговые структуры. Круговой союз, *прежде всего*, нашел точку соприкосновения относительно общего врага – терроризма. В *остальном* деятельность структуры была направлена (в различных, иногда не поддающихся объяснению формах) против *доминирования* единственной державы (независимо от того факта, что одна и та же держава с формальной точки зрения больше не может представлять один полюс в этой биполярности).

На *третьем* этапе глобализации (в условиях имперского дискурса) был создан *заново (но в то же время нового типа) биполярность*, дополненная двумя этими видами деятельности кругового союза. Характерно, что данная сложная структура стала действительно возможной благодаря тому, что господствующая биполярность во многом также была *воображаемой* и *асимметричной*.

На наши дни приходится начало *четвертого* периода. Особенности нынешнего положения дел снова указывают на *биполярность с соответствующими сопутствующими подструктурами*. Глобализация структурно в большей или меньшей степени всегда строилась вокруг «одного» полюса, в отрыве от «биполярности» в борьбе с терроризмом.

При этом развивающаяся сегодня ситуация уже на начальном этапе таит *противоречивые*, если даже не *парадоксальные* теоретические последствия. С *одной стороны*, мы небезосновательно полагаем, что Китай формирует свои *долгосрочные* (частные, а также глобальные) интересы и будет искать возможность реализовать их в долгосрочной перспективе. В *то же время* весь предыдущий период глобализации, как нам кажется, можно описать только через краткосрочные интересы важных акторов. *Отдаленная перспектива в скоростном глобальном мире может ввести элементы универсализма в мир партикуляризма*.

Частные интересы Китая никоим образом не могут рассматриваться как универсальные. Однако стоит заметить, что подобные формулировки, возникающие в международной печати в связи с внешнеполитической деятельностью Китая, основаны на «взаимном доверии», «невмешательстве во внутренние дела»

других, а также на признании «взаимных интересов». В соответствующих обстоятельствах индивидуальные цели сами по себе могут проявлять, хотя и непреднамеренно, универсальные черты; более того, *открытое идеологическое вмешательство, пересмотр рамок внешней политики, изменение идентичности или миссионерские замыслы* могут сознательно избегаться.

Взаимная симметрия ценностей партикуляризма и универсализма начинает существенно влиять на формирование обоих полюсов нового мира, вновь приобретающего биполярный характер. Партикуляризм изобилует универсальными элементами, в то время как неолиберализм, вначале провозглашенный универсальным, как раз часто оказывается разочаровывающим партикуляризмом.

В ходе развития этой новой ситуации система *индивидуализации* приведет к определенным историческим последствиям. Здесь мы имеем дело с *проблемой нейтральных ценностей и оценок*. Мы не можем противостоять этому ни с философской позиции позитивного взгляда на индивидуализацию, ни с позиции негативного отношения к ней.

На сегодняшний момент китайские культуру и общество противопоставляют американскому полюсу со сложившимся выраженным индивидуализмом. Этот социум стоит в самом начале процесса своей индивидуализации. Многие рассматривают Китай как общество, где данный тип индивидуализации абсолютно не связан с внутренними потребностями населения.

Процесс индивидуализации, происходящий сегодня в Китае, *больше не может быть однородным*. По всей видимости, параллельно развиваются три важные тенденции, а именно:

- 1) повторение классической *европейской* индивидуализации;
- 2) «индивидуализация» новой массовой культуры *американского* происхождения;
- 3) практически однородная *постмодернистская* индивидуализация.

Опять же процессы индивидуализации могут затрагивать *оба* кристаллизующихся глобальных полюса *по-разному*. Не только потому, что на одном полюсе этот процесс уже закончился, а на втором еще нет, но и потому, что обе системы принципов *составляют основу функционирования собственной системы*. Обе философские базы (завершенная индивидуализация против начинающейся индивидуализации) представляют собой *реальные принципы* организации обоих конгломератов.

В результате такого сравнения появляется *новая асимметрия*. Вышеуказанные три процесса индивидуализации, вероятно, будут серьезно влиять на Китай, но Китай в свою очередь, скорее всего, не будет оказывать подобного влияния на другой полюс. *Неиндивидуализирующая* или *антииндивидуализирующая* тенденция вряд ли будет представлять для другого полюса *привлекательную альтернативу*, даже если реально существующие в самом этом полюсе источники индивидуализации работают неэффективно или по крайней мере не так, как раньше. Это означает, что один и тот же процесс, с одной стороны, будет проходить активно, а с другой – пассивно.

Мы лишь вскользь коснулись *аспекта культурных традиций* в его обычном понимании. Сила культурных различий не подлежит сомнению. Тем не менее мы бы не хотели повторять [Kiss] фатальную ошибку С. Ф. Хантингтона, который

изображал эти гигантские различия, используя неверные и необоснованно подобранные примеры из реальной современной жизни, и на их основе интерпретировал существующую мировую ситуацию в рамках деисторической концепции.

Если нужно сохранить существующую специфику китайской цивилизации и общества как они есть, *прежде всего необходимо заявить об этом в экономической и политической сферах*, ведь только через эти сферы можно влиять на формирование и в то же время интерпретацию сегодняшней истории⁴.

Элементы культурной традиции в широком смысле этого слова могут в лучшем случае играть некоторую роль в этом новом биполярном мире. Итак, остается предположить, что существующая *американская цивилизация* (культура), объединяющая в себе веберовское позитивистское отрицание ценностей и оценок (*Wertfreiheit*) с религиозным фундаментализмом, и сильная *китайская цивилизация* (культура), которая в конечном счете не вернется к абсолютным нормам и ценностям в регулировании повседневной жизни, будут выступать в качестве главных и теоретически во многом все еще безмолвных противников.

В любом случае ведущий принцип китайской политики, представляющийся иногда вполне целесообразным, вряд ли укрепит значительные (и часто оказывающиеся лишь мифом) глубинные аспекты китайской специфики. Одним из главных вопросов будущего является то, какая организаторская философия – американская (евро-американская) или китайская – окажется *более реальной на фоне историзма других*.

Еще один аспект для сравнения в условиях возможной биполярности – это *культура труда*, или *философия труда*. Китайская концепция культуры труда усугубляет базовые проблемы мира в условиях глобализации, и доказательством тому служит огромное число фактов. *Чрезмерный индивидуализм и все остальные социальные темы неожиданно получают новое осмысление*. Так, индустриализм и постиндустриализм снова предстают в новом свете, не говоря уже о том, что *непотребительское постмодернистское общество противопоставлено ослепительному свету идей потребления* (как, например, на американском полюсе). Такое сосуществование ценностей на фоне китайской культуры труда выглядит абсурдным, и эта модель угрожает многим обществам, поскольку они, безусловно, не в состоянии собственными силами нивелировать это противоречие⁵.

Для нас глобализация, в сущности, уже имеет свою историю. Мы хотели доказать это на примере имперской риторики. Однако эра новой биполярности (вместе с соответствующими сопутствующими явлениями) сейчас только начинается.

*Перевод с английского
К. А. Бирюковой*

⁴ Нам представляются актуальными отдельные важные стороны китайской культуры (частично напоминающие протестантскую и китайскую религии), а также некоторые практические особенности этой цивилизационной традиции, регулирующей повседневную жизнь.

⁵ В качестве подходящей аналогии можно использовать дестабилизацию индустриального общества в США 1970-х гг., когда трудовые достижения бывшего Дальнего Востока открыли новые пути для американского общества.

Литература

Gerlich P., Glass K., Kiss E. From the Center towards Europe and back. Vienna; Poznan, 1997. Pp. 117–125.

Global Studies Encyclopedia / ed. by I. I. Mazour, A. N. Chumakov, W. C. Gay. Moscow : Raduga Publishers, 2003.

Kiss E. The Civilisatory Components of the Post-socialist System Change, a. a. O.

Kiss E. A civilizációs összetevő a poszt-socialista rendszerváltásban // Konfliktus, konszenzus, kooperáció. Tanulmánykötet. II. Országos Politológus Vándorgyűlés. Szerkesztette : Horváth Csaba Pécs, 1996–1997. Pp. 228–230.

Kiss E. Das Globale ist das Unmittelbarwerden des Absoluten? // Hegel-Jahrbuch, 1996. Berlin : Akademie Verlag, 1997. Pp. 33–41.

Kiss E. A posztmodern elemei a misszionálás szemszögéből // Magyar Filozófiai Szemle. 1999a. Num. 6. Pp. 719–731.

Kiss E. A posztmodern filozófia mint metafizológia. in: Világosság. Jg. LX. 1999b. Num. 10 (Október). Pp. 14–28.

Kiss E. Menschenrechte und Menschen im Strome der Globalisierung // Völkerrecht und Rechtsbewusstsein für eine globale Friedensordnung / ed. by E. Voit, J. Klopfer. Dresden, 2000. Pp. 55–64.

Kiss E. Monetarista globalizáció és poszt-socialista rendszerváltás // Társadalom-filozófiai tanulmányok. Budapest, 2002. Pp. 1–410.